

1

ВВЕДЕНИЕ

Источником для этой книги послужили наблюдения определенных фактов патологических состояний и клинические заключения — они были сделаны задолго до того, как мне стало понятно, что такие заключения являются особой «точкой зрения». Но я написал книгу не для того, чтобы разъяснить эту точку зрения, а чтобы применять ее на практике. Это значит, что перед вами клиническая книга о неврозе и невротической деятельности, а это введение я пишу не ради теоретических дискуссий, а для того, чтобы помочь читателю лучше разобраться в последующих клинических главах. В последней главе я разберу более общие, теоретические аспекты, на которых основываются мои взгляды.

Мне хотелось бы объяснить, что подразумевается под словами «невротические стили». «Стиль» — это форма или способ деятельности в определенной сфере, и опознать его можно по конкретным действиям человека. «Невротические стили» — это способы деятельности, характерные для разных невротических состояний. Здесь главным образом будут обсуждаться формы мышления и понимания, разновидности эмоциональных переживаний, субъективное восприятие вообще, а также деятельность, связанная с различными патологиями. Я не стремлюсь дать полное описание этих стилей или хотя бы их систематизировать, поскольку ограничения этой книги не позволяют затронуть множество интересных аспектов, например разные стили

движения тела. Но я надеюсь, по крайней мере, обозначить четыре основных невротических стиля: обсессивно-компульсивный (невроз навязчивых состояний), параноидальный, истерический и импульсивный.

Не всегда бывает легко определить модель или стиль деятельности. Рассматривая общение или действие, мы обычно обращаем внимание на их содержание, а чтобы понять модель, требуется иное, возможно, несколько более пассивное внимание. Однако, если эту модель удастся распознать, то нам открываются новые аспекты уже знакомых вещей, и мы узнаем нечто интересное и даже захватывающее.

Впервые стили человеческой деятельности (в особенности мышление и понимание), характерные для различных психопатологий, заинтересовали меня в процессе работы с психологическими тестами. В тестах, в особенности в тесте Роршаха, мышление и понимание являются основным материалом, позволяющим определять защитные механизмы, характерные черты и диагноз. Мне кажется, что способы мышления, которые обычно используют для диагностики защитных механизмов, синдромов получения общей психологической картины, сами по себе являются очень важными психологическими структурами, куда более обширными, чем определяемые с их помощью характерные черты и механизмы. Например, если идентифицировать с помощью защитных механизмов и симптоматических характеристик навязчивых состояний стиль понимания и мышления, то этот стиль сам будет являться психологической структурой. Если же, как это часто бывает, небольшие вариации одного и того же стиля предполагают существование других, чаще всего адаптивных черт, то в данном случае основной стиль можно считать

основной матрицей, из которой происходят разные симптомы и защитные механизмы. Другими словами, способ мышления может быть одним из факторов, определяющих *форму* симптомов, защитных механизмов и адаптивных черт.

Эти вопросы становятся особенно актуальными в связи с результатами психологических тестов, поскольку такие тесты очень хорошо подходят для выявления формальных свойств мышления и понимания. Но это – общие вопросы. Возможно ли описать формы функционирования мышления, восприятия и поведения, характеризующие разные виды патологии и стили деятельности, которые образуют матрицу для отдельных черт и симптомов и формируют эти черты и симптомы в каждой конкретной личности?

В пользу такой концепции говорит человеческая склонность к обобщению, однако у нее имеется и клиническое подтверждение. Каждый читатель, обладающий опытом клинической практики (да и любой чувствительный человек), может понять, что яркие патологические симптомы регулярно проявляются в контексте намерений, интересов и интеллектуальных склонностей, и даже в профессиональных и общественных склонностях, с которыми связаны определенные симптомы и черты. Мы не удивимся, если узнаем, что у ученого или книголюба появился невроз навязчивости или что женщина, проходящая психотерапию вследствие сильных эмоциональных взрывов, не интересуется наукой и математикой и ничего о них не знает. В таких случаях вы чувствуете, что природа симптома соответствует природе действий, склонностей и отсутствию склонностей, которые создают основу. Можно привести и другой пример: мы узнаем, что пациент в

тяжелом параноидном состоянии, с запутанными и «систематизированными» галлюцинациями, ранее был либо человеком крайне одержимым, либо догматическим и компульсивным. И тогда между двумя этими состояниями мы можем обнаружить некое сходство, хотя, возможно, нам не удастся его ясно обосновать.

Подобные сходства в деятельности человека невозможно объяснить проявлениями защитных механизмов или производными механизмов поведенческих; для такого объяснения они слишком обширны. Я бы сказал, что они являются составляющими личного стиля. Я не имею в виду, что какой-то один стиль может послужить описанием для всех сфер деятельности личности, но при этом стили могут дать картину общих аспектов деятельности (познания, эмоционального восприятия и т. п.); они могут быть организованы и связаны между собой. Составляющие индивидуальной деятельности, например, соотношение между симптомами и адаптивными чертами, отражают стили, определяя формы симптомов и несимптомов, защищающих от импульсов и адаптивных проявлений этих импульсов. Они медленно меняются и служат гарантией не только сохранения индивидуального стиля, но и относительно долговременной стабильности.¹ Однако следует отметить, что в настоящее время эти составляющие имеют всего лишь статус клинических наблюдений, и так будет до тех пор,

¹ Это можно проиллюстрировать наблюдением Эскалоны и Хайдер: “Если обратить внимание на изменения в поведении ребенка и ограничиться только изучением стадий от младенчества до — в нашем случае — старшего школьного возраста, можно заметить, что поведение меняется, но сохраняется его стиль и способ адаптации ребенка”. (Sibylle K. Escalona and Grace Heider, *Prediction and Outcome* [New York: Basic Books, 1959], p.9).

пока не будут описаны объясняющие их формы деятельности.

Рассмотрение общих стилей деятельности в качестве матрицы для специфических черт и симптомов затрагивает две проблемы, поднятые психоанализом и до сих пор не нашедшие удовлетворительного решения. Первая проблема — это «выбор невроза»: исходя из каких факторов у человека вырабатываются именно такие симптомы; вторая проблема — проблема понимания характера. Они связаны между собой; их можно даже считать разными аспектами одной и той же проблемы. То есть: склонность к определенным симптомам можно считать проблемой характера, а характер можно рассматривать как сумму основных относительно стабильных форм деятельности, которые мы обсуждали. Но во время зарождения психоанализа на эти проблемы смотрели совершенно иначе.

Тогда основным направлением психоанализа было изучение инстинктивных механизмов и сбоев, которые в них случались. В этом же направлении шло изучение патологических симптомов. Изучали содержание симптома и частные формы деятельности, и проблема выбора невроза заключалась в поиске соответствия содержания симптома с психосексуальной фазой. Помимо этого, искали причины конкретных психосексуальных фиксаций.

В чем заключается ограниченность такого понимания? В него хорошо укладываются некоторые аспекты невротических симптомов, зато другие аспекты невозможно проследить до начального толчка или конфликта. В компульсивном мытье рук и в навязчивой идее чистоты можно увидеть реакцию на анально-эротические импульсы. Но из специфического контекста сек-

суального конфликта трудно вывести интенсивность работы и прочей деятельности, моральные убеждения, связанные с этими симптомами, опору на саму реакцию (а, например, не на механизм подавления). Фрейд понимал, что опираясь только на либидозный конфликт и фиксацию, проблему выбора симптома решить невозможно. Он писал:

«Мы знаем, что нельзя полностью понять предысторию невроза, если акцентироваться лишь на стадии либидозного развития, не принимая в расчет стадию развития эго. Мы ограничимся либидозным развитием, так как мы не имеем достаточно информации. В настоящее время нам известно очень немного...»²

Характерные формы деятельности до сих пор не нашли своего обобщения, а теория «характера» в определенном смысле этого понятия не была создана. Интерес раннего психоанализа к характеру³ был скорее интересом к проявлениям инстинктивного содержания (ранние влечения, их сублимация и формирование на них защитной реакции), к специфическим чертам личности или набору этих черт.

Справедливо считается, что в работах Фрейда, Джонса и Абрахама содержатся предположения о том, что обобщенные в той или иной мере формы поведения не всегда привязаны к символическим проявлениям первичных (original) объектов: иногда в этих

² Sigmund Freud, "The Predisposition to Obsessional Neurosis" [1913], *Collected Papers* (New York: Basic Books, 1959), Vol.2, p.131.

³ Например, Sigmund Freud, "Character and Anal Erotism" [1908], *Collected Papers, op.cit.*, Vol.2, pp.45-50; Ernest Jones, "Anal-Erotic Character Traits" [1918], *Papers on Psychoanalysis* (Baltimore: William Wood, 1938), pp. 531-55; Karl Abraham, "Contributions to the Theory of the Anal Character" [1921], *Selected Papers on Psychoanalysis* (New York: Basic Books, 1957), pp.370-92.

формах появляется адаптивная сила. Другими словами, инстинктивные формы обобщаются в более широкий стиль деятельности. Однако это были всего лишь предположения и случайные идеи, и очевидно, что в основном они работали в ином направлении. В частности, концепция сублимации предполагала выход инстинктов за пределы первичного объекта, но в то время этот выход скорее означал смещение влечения от первичного объекта к объекту, который его заменял. Иначе говоря, в этих работах можно найти концепции определенных форм эго, тенденций и механизмов (например, сублимации и реакции), но при этом они не описывают основные модели деятельности, формирующие то, что мы называем характером.

Такое понятие характера появилось несколько позже, в анализе характера, определенном Вильгельмом Райх.⁴ Согласно Райху, невротическое решение инфантильного инстинктивного конфликта достигается в процессе общего изменения деятельности, при полной кристаллизации невротического характера. Райх так и изучал «характер как единое целое», а не его отдельные черты и защитные механизмы, и у него именно характер в целом стал объектом терапевтического внимания. «Проблема, — говорит он, — не в содержании и не в природе конкретной черты характера, а в изначальной модели реагирования в целом.»⁵

Такие способы поведения — например, «самоограничение и однообразие в жизни и мышлении» у человека с обсессивно-компульсивным характером — невозможно описать, исходя только из кон-

⁴ Wilhelm Reich, *Character Analysis* [1933] (New York: Orgone Institute Press, 1949).

⁵ Ibid, p. 144.

текста раннего влечения. Форма характера «не может создаваться индивидуальными импульсами и содержанием отдельных черт; она придает личности ее неповторимость».⁶

Это не просто обобщенные формы деятельности, они являются стабильными и даже застывшими. Эго «затвердело», защитные реакции приняли определенные формы, ранний конфликт «трансформировался в долговременное отношение, в хронические автоматические реакции».⁷ Таким образом, здесь происходит отделение способов деятельности от содержания инфантильного конфликта (то есть от предполагаемой причины), и, по крайней мере в этом аспекте, они становятся независимыми от первоначального конфликта. Последнее обстоятельство является важнейшим в концепции обобщения форм деятельности.⁸

Однако в двух пунктах представленная Райхом картина характера не является адекватной, и эти пункты оказываются очень схожими. Они касаются происхождения общего способа реагирования (формы характера) и его функций. С точки зрения Райха, характер возникает из инфантильного инстинктивного конфликта; сначала — это способ справиться с конфликтом. Форму характера определяют, с одной стороны, природа подавленного импульса, а с другой, — природа расстрой-

⁶ Ibid, p. 196.

⁷ Ibid, p. 156.

⁸ В следующем параграфе станет ясно, что эта концепция не эквивалентна концепции «вторичной автономии» Хайнца Хартманна (Heinz Hartmann, "Comments on the Psychoanalytic Theory of the Ego", in Ruth S.Eissler et al., eds, *The Psychoanalytic Study of the Child*, Vol.5 [New York: International Universities Press, 1950], pp.74-96.

ства (время, интенсивность и т. д.).⁹ Приобретая твердость, характер выполняет лишь защитные функции. Он «связывает» импульсы, приобретая стабильность, ограничивает свою гибкость и защищается от внешнего и внутреннего мира. Иными словами, он исполняет защитные функции экономичнее, по сравнению со специфическими защитными реакциями. Его задача — не только справиться с изначальным конфликтом, но и продолжать исполнять большую часть защитных функций в «продолжающемся конфликте» между инстинктивными требованиями и внешней фрустрацией. Райх говорил, что «продолжающийся конфликт между инстинктом и внешним миром придает (защитной функции характера) силу и смысл существования»¹⁰.

Таким образом, Райх не считает, что общие формы существуют независимо от защитных механизмов и инстинктивного конфликта. В его представлении характерные способы деятельности не адаптируются к проявлениям внешнего мира. Это исключает существование изначальных, независимых от инстинктивного конфликта, психологических функций, способностей и тенденций (например, различных когнитивных систем и тенденций), определяющих форму характера. И такая точка зрения не предполагает, что внешняя реальность, в особенности социальная реальность в раннем возрасте, своими возможностями, требованиями и формами существенно влияет на развитие характерных адаптив-

⁹ Райх считает, что в развитии форм характера играют роль только инстинктивные факторы — «даже у новорожденного есть свой “характер”» (ibid, p.156) — но, очевидно, это явно просто уступка противоположному взгляду. В то время он считал, что патология характера приобретается, а не наследуется.

¹⁰ Ibid, p. 146.

ных функций. В психоанализ эта идея была внесена позже Хайнцем Хартманном и Эриком Х. Эриксоном.

Однако после Райха интерес психоанализа к проблеме характера несколько угас. Возможно, дальнейшая разработка проблемы требовала новых теорий и концепций. В любом случае, изучение эго, начатое и, вне всякого сомнения, продвинутое работами Райха, теперь стало представлять для психоанализа основной интерес. Были и другие работы, прямо относящиеся к нашей теме. Здесь имеются в виду три разработки: (1) концепция Хартманна¹¹, основанная на упоминавшихся в поздних работах Фрейда психологических структурах, независимых от инстинктивных влечений и конфликтов; (2) работа Эриксона¹², в которую включена концепция психологических структур, независимых от инстинктивных влечений (но тесно с ними связанных), и, кроме того, добавлена новая концепция обобщенных способов деятельности; (3) экспериментальная и теоретическая работа Джорджа С. Кляйна¹³, Рилей Гарднер¹⁴ и их сотрудников. Они провели исследования, как общие принципы контроля проявляются в способах и стилях познания. Эти три исследования, напрямую не связанные с характером, все же помогают создать концепцию обобщенных, стабильных моделей деятельно-

¹¹ Heinz Hartmann, *Ego Psychology and the Problem of Adaptation* (New York: International Universities Press, 1958).

¹² Erik H. Erikson, *Childhood and Society* (New York: Norton, 1950).

¹³ George S. Klein, "Cognitive Control and Motivation", *Assessment of Motives*, ed. Gardner Lindzey (New York: Rinehart, 1959), pp. 87-118.

¹⁴ Riley Gardner, Philip S. Holzman, George S. Klein, Harriet Linton, and Donald P. Spence, "Cognitive Control: A Study of Individual Consistencies in Cognitive Behavior", *Psychological Issues*, I, Whole No.4 (1959).

сти, которая очень существенна для пересмотра определения патологического характера.

Исследования Хартманна показали важность психологического развития врожденных ментальных структур (например, памяти и структуры познания). По мнению Хартманна, эти структуры являются основными в приспособлении человека: они формируют ядро адаптивной психологической деятельности, относительно независимой от инстинктивного конфликта. Но эти врожденные структуры и их продукция (например, мышление и язык) важны не только для адаптивной деятельности. Благодаря своему положению и особым характеристикам, они влияют не только на форму и тенденцию адаптивной деятельности, но и на выбор пути «предпочтительного» разрешения конфликта и выбор защиты. Так, например, Хартманн указывает на то, что автономный фактор мышления является независимой составляющей индивидуального выбора и реализует защитный процесс интеллектуализации.¹⁵

Едва ли нужно упоминать о том, что эта концепция не принижает влияния на форму защитного или адаптивного процесса внешних, в особенности социальных, факторов, а также инстинктивных влечений и конфликтов. Но в этой концепции появляется то, чего прежде не было в психоанализе: биологическое ядро психологической структуры, которое изначально влияет на характерные тенденции адаптивных и защитных функций — ядро, вокруг которого собираются самые разнообразные силы и влияния.

Хартманн создал общую теорию независимого развития эго, а Эриксон разработал ее более специфиче-

¹⁵ Hartmann, *op. cit.*, p.14.

ские аспекты.¹⁶ Работа Хартманна во многом основана исключительно на предположениях, ибо в то время не было проведено достаточных исследований развития характера и общих форм деятельности. Эриксон конкретно показал, как в определенных областях происходит такое развитие. Он описывает, как постепенно, наряду с психосексуальным развитием, раскрываются основные способы функционирования — «паттерны приближения, способы подхода, способы поиска связей»¹⁷. Каждая фаза создается доминирующими сексуальными инстинктами, а ее изменение происходит под влиянием возникающих способностей и тенденций. Результат фазы развития зависит не только от судьбы инстинкта. В результате кристаллизации социальных форм (модальностей) появляются способ деятельности, отношение, строение мышления. Итак, фаза, которая психосексуально называется «фаллической», соотносится с общим расширением локомоторных способностей и «двигательных паттернов»¹⁸. В этой фазе в основном доминирует инициатива (или ее подавление чувством вины).

Таким образом, в отличие от райховских «способов реагирования», у общих форм функционирования в схеме Эриксона существует три корня: инстинктивное развитие, появление зрелых способностей и тенденций и возникающие на каждой фазе развития внешние социальные условия.

Способы и модальности Эриксона охватывают определенную область и уникально описывают индиви-

¹⁶ См. David Rapaport, "Present-Day Ego Psychology", лекция в Сан-Франциско, 1956.

¹⁷ Erikson, op. cit., p.65.

¹⁸ Ibid, p. 85.

дуальные аспекты. Они дают описание того, что люди делают и чувствуют, какие силы ими движут и какие внутренние системы их сдерживают. Позже я еще вернусь к этому аспекту, характеризующему общие методы. Эриксон не пытался систематизировать характерологию¹⁹, основанную на развитии этих модальностей, и не соотнес их детально с существующими положениями психиатрии. И хотя такое систематическое изучение было бы весьма ценным, совершенно очевидно, что многие важные для изучения психопатологии области — в частности, когнитивный процесс — невозможно адекватно описать, используя модальности схемы Эриксона.

Уайт²⁰, отдавая должное великому множеству типов и областей деятельности психики, утверждал, что общие способы деятельности, о которых говорил Эриксон, слишком тесно связаны с развитием либидо. И действительно, говорить о познании как о рецептивной функции — значит недооценивать вовлеченные в него процессы (процесс понимания, мышления и т. д.); подобные термины дают лишь самое общее описание поведения. Нет серьезных причин считать, что отдельный метод будет воспроизведен во всех областях и на всех уровнях деятельности. Например, если психосексуальное или социальное поведение может быть названо «нападением», то из этого не обязательно следует, что тако-

¹⁹ Характерологию нельзя рассматривать как изменение зрелого характера по отношению к его инфантильному прототипу, ибо, согласно Эриксону, развитие эго продолжается и после завершения психосексуального развития. Однако для зрелого характера та или иная фаза может оказаться определяющей.

²⁰ Robert W. White, "Competence and the Psychosexual Stages of Development", *Nebraska Symposium on Motivation*, ed. Marshall R. Jones (Lincoln: University of Nebraska Press, 1960), pp. 97-141.

му поведению соответствует способ познания, который следует называть «нападением» и что такое поведение и способ познания могут быть взаимосвязаны и взаимно облегчать друг друга. Напротив, следует изучать разные формы и способы деятельности, описывая их в терминах, соответствующих их содержанию. Они оказываются взаимосвязанными и взаимнооблегчающими.

Кляйн и Гарднер со своими сотрудниками изучали в основном когнитивную деятельность. Придерживаясь общей теоретической ориентации Хартманна и Эриксона, они разработали и применили психологическую и психоаналитическую концепцию стиля или формы деятельности. Вскоре после второй мировой войны появились экспериментальные работы в области понимания, которые обычно появлялись под рубрикой «новый взгляд». Эти эксперименты демонстрировали влияние на понимание мотива или потребности. Появившаяся несколько позже (отчасти в ответ на результаты «нового взгляда») работа Кляйна показала, что результаты влияния потребности на понимание не имеют столь простого и прямого объяснения. Было показано, что у разных людей такие влияния различны, а поэтому конкретные направления зависят от выбора когнитивных задач и разной мотивации. Когда человеку, испытывающему жажду, показывали раздражители, связанные с жаждой, как правило у него появлялись когнитивные отклонения (по сравнению с человеком, не испытывающим жажду). Но эти отклонения у разных людей были различны и соответствовали склонностям данного конкретного человека, которые тот проявлял, не испытывая жажды.²¹ Иными словами, можно продемон-

²¹ Klein, "Need and Regulation", *Nebraska Symposium on Motivation*, ed. Marshall R. Jones (Lincoln: University of Nebraska Press, 1954), pp.224-74.

стрировать, что у человека существуют относительно стабильные когнитивные склонности, определяющие форму влияния, которое оказывает мотив или потребность.

Кляйн и его сотрудники исследовали ряд когнитивных склонностей, подразумевая, что они являются регулируемыми и контролирующими структурами. Когнитивные склонности, писал Кляйн, «отражают высшие обобщенные формы контроля, которые проявляются в поведении человека в качестве способа воспоминания»²².

Кляйн считал, что у каждого человека существует набор таких склонностей, и обозначил их структуру, существующую у конкретной личности, термином «когнитивный стиль». Кляйн предположил²³, что основой когнитивного контроля являются врожденные склонности, на которые ссылался Хартманн. Кляйн исследовал связь между когнитивными стилями и защитными реакциями (хорошо известными психоанализу регулируемыми структурами), но этот вопрос все еще ждет более полного исследования. Я вернусь к нему в последней главе, а пока можно сказать, что индивидуальные когнитивные стили, вне всякого сомнения, являются одним из аспектов матрицы, определяющей природу защитных реакций и форму патологического симптома.

Филип Райфф в книге *Фрейд: Мышление моралиста*²⁴ критикует психологическую систему Фрейда за

²² George S. Klein, *op. cit.*, p.89.

²³ David Rapaport, "Psychoanalytic Theory of Motivation", *Nebraska Symposium on Motivation*, ed. Marshall R. Jones (Lincoln: University of Nebraska Press, 1960), p.219.

²⁴ Philip Rieff, *Freud: The Mind of the Moralizer* (New York: Viking, 1959).

то, что ее создатель не уделяет должного внимания существующим склонностям, тенденциям, «формам мышления» и не считается с их важностью. Под существующими склонностями Райфф, в частности, подразумевал общие тенденции понимания, изученные гештальт-психологами. Райфф утверждал, что Фрейд совершил ошибку, отождествляя существующие склонности (черты характера) с их возможной причиной. Он пишет, что, «хотя дуб и зарождается в желуде, все же не следует считать выросшее дерево желудем «в сущности»»²⁵. В критике Райффа мне кажется верной мысль о недостаточном внимании к «формам мышления», или, как я бы сказал, к стилям деятельности. Из-за этого психоанализ до сих пор не разработал психологии характера. Однако Райфф слишком категоричен: ведь именно разработанная Фрейдом теория эго и структурная модель привели к более поздним разработкам, о которых я упоминал ранее.

Во всяком случае, я попытался показать, из чего состоят подобные «формы мышления», и теперь у нас существует основа для понимания характера, хотя она может считаться несколько фрагментарной. Очевидно, что проблему происхождения стилей деятельности нельзя назвать простой; высказывались предположения, что они возникают из множества связанных источников. Я немного могу сказать о возможных причинах возникновения невротических стилей, за исключением нескольких общих моментов, изложенных в последней главе. Но вместе с тем я уверен, что изучение самих стилей и создание ясной картины форм познания, де-

²⁵ Rieff, *op. cit.*, p.49. Критика Райффа не затрагивает историческую или генетическую точку зрения.

тельности, эмоционального восприятия и т. д., являются необходимыми предварительными условиями для понимания причин. Изучение должно включать в себя тщательное наблюдение и анализ существующих (и более-менее постоянно проявляющихся) тенденций, незаметных в обычной обстановке аспектов восприятия и деятельности: постоянного стиля жизни, сознательных склонностей и общественного поведения. Именно это я и попытался сделать.²⁶

Теперь я хотел бы обратить внимание читателя на клиническую важность невротических стилей и некоторых других аспектов, которые можно назвать «формальным» взглядом на невроз.

Фрейд нас научил, что «имеют смысл» даже самые странные симптомы и самое необычное поведение. Сейчас мы твердо уверены в том, что эта странность только кажущаяся, и, когда становится известна вся история, все, что выглядело странным, становится понятным и даже кажется неизбежным. Наверное, главным последствием такого взгляда было открытие важного значения ранних инстинктивных влечений. За странностями можно обнаружить силы — подавленные или перенаправленные, но тем не менее существующие — и, обнаружив эти силы, мы видим, что такие странности оказываются простыми человеческими качествами. Структуры, ответственные за искажения, находили признание всегда (несмотря на противополож-

²⁶ Хартманн пишет: «... вполне естественно, что феноменологическое описание деталей ментальных проявлений, к которому мы прежде относились с пренебрежением, оказалось особенно важным в психологии эго» (*op. cit.*, pp.6-7).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru